

Родилась в 1967г. в Ленинграде. Окончила С-Пб ГМУ им И.П.-Павлова.

Член Союза Писателей России с 2002г.

Печаталась в журналах и газетах «Нева», «День и ночь», «Звезда», «Северная аврора», «Всерусский собор», «Питер-book», «Литературная газета»

« Южная звезда», «Немига литературная», «Сибирские огни», «Российская словесность», «Зинзивер» (интернет-журнал), «Дружба народов», «Москва», «Врата Сибири», «Всемирная литература», «Нёман» , «Урал», «Изящная словесность», «Интеллигент», а также в сборниках «День поэзии». Печаталась также в антологиях «Аничков мост», «Собрание сочинений – стихи петербургских поэтов» и «Наше время».

Автор шести стихотворных сборников. («Бубенцы» 1998, «Жизни неотбеленная нить» 2001, «Геометрия свободы» 2004, «Сопровождение» 2007, «Воин в поле одинокий» 2012, «На горбатом мосту» 2014)

Переводилась на польский, болгарский, японский, английский, сербский и чешский языки

Переводила стихи польских и сербских поэтов.

Лауреат конкурса « Пушкинская лира », Нью-Йорк, 2001 г.

Лауреат премии им А.А. Ахматовой, 2005 г.

Лауреат конкурса им Н. Гумилёва (2004 г.).

Лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова, 2009 г.

Лауреат конкурса "Литературная Вена" 2012 г.

Лауреат премии им. П.П. Бажова 2013 г.

...

В этой комнате слышно, как ночью идут поезда
Где-то там глубоко под землёй, в бесконечном тоннеле...
Пережить бы ноябрь! Если Бог нас не выдаст, тогда
Не учует свинья, и, глядишь, не сожрёт в самом деле.
Пережить бы ноябрь — чехарду приснопамятных дат,
Эти бурые листья со штемпелем на обороте,
Этот хриплый смешок, этот горло царапнувший взгляд,
Этот мертвенный отсвет в чернеющих окнах напротив.
Пережить бы ноябрь. Увидать сквозь сырую пургу
На январском листе птичьих лапок неровные строчки,
Лиловатые тени на мартовском сизом снегу,
Послабление режима и всех приговоров отсрочки.
Пережить бы ноябрь... Ночь ерошит воронье перо,
Задувает под рёбра, где сердце стучит еле-еле.
И дрожит абажур. Это призрачный поезд метро,
Глухо лязгнув на стыках, промчался к неведомой цели.

*... и Цинциннат пошёл среди пыли
и падающих вещей ...
направляясь в ту сторону,
где, судя по голосам, стояли
существа, подобные ему.*
В. Набоков «Приглашение на казнь»

Как ты нелеп в своём мученическом венце!..
Нужно было тренировать почаще
Общее выражение на лице,
Притворяться призрачным, ненастоящим.
Шаг с тропы — и проваливается нога,
Чья-то плоская шутка — мороз по коже.
Каждое утро — вылазка в стан врага.
Вечером жив — и слава тебе, Боже!
Осторожнее! Ведь и сейчас, может быть,
Жестом, взглядом ты выдаёшь невольно
То, что ты действительно можешь любить,
То, что тебе в самом деле бывает больно.
Вещи твои перетряхивают, спеша.
Что тебе нужно? — Ботинки, штаны, рубаха...
Это вот спрячь подальше — это душа,
Даже когда она сжата в комок от страха.
Над головами — жирно плывущий звук:
Благороднейшие господа и дамы!
Спонсор казни — салон ритуальных услуг!
Эксклюзивное право размещенья рекламы!
И неизвестно, в самый последний миг
Стинут ли эта площадь, вывеска чайной,
Плаха, топор, толпы истеричный вскрик —
Весь балаган, куда ты попал случайно.

...

Здесь заплакать нельзя и нельзя закурить,
Во весь голос не то, что кричать — говорить.
Водка пахнет сивухой, вода — солона,
И на стену в ночи наползает стена.
Утро щелкает плетью, а по вечерам
Кто-то ищет меня в перекрестии рам,
И холодного зеркала пристальный взгляд,
Словно блик на штыке, словно окрик « назад! ».
Этот дом, он как зверя меня обложил,
Коридорами , лестницами закружил.
Я — живая мишень, я на злом сквозняке
Свое робкое сердце держу в кулаке.

...

Отец мой был похож на волка —
И сед, и зол, и одинок.
Лишь на руке его наколка —
Раскрывший крылья голубок.
Нелепо и довольно криво
Он всё летит из дальних стран,
Где сильный, молодой, красивый,
Мой батя не от водки пьян.
Где мать жива. А я, быть может,
В проекте, или даже — нет.
Где лёгкие тихонько гложет
Дымок болгарских сигарет.
И, напрочь забывая лица,
Сквозь морок, суету и тлен,
Я снова вижу эту птицу,
Летящую средь вздутых вен.
И в зеркале заворожённо
Ловлю который раз подряд
Всё тот же странно-напряжённый,
Неуловимо-волчий взгляд.

...

Удельная.
А давай-ка дойдём до шалманчика средней руки,
Где шумит переезд, и народ ошивается всякий,
Где свистят электрички и охают товарняки,
Где шныряют цыгане, где дня не бывает без драки,

Где торгуют грибами и зеленью, где алкаши
Над каким-нибудь хлипким пучком ерунды огородной
Каменеют, как сизые будды, и где для души
На любой барахолке отыщется всё, что угодно,
Где базар и вокзал, неурядица и неуют,
Где угрюмо глядит на прохожих кудлатая стая,
Где, мотив перевервав, голосами дурными поют,
И ты всё-таки слушаешь, слёзы дурные глотая.
Там хозяин душевен, хотя и насмешлив на вид —
У него за прилавком шкворчит и звенит на прилавке.
Он всего лишь за деньги такое тебе сотворит,
Что забудешь про всё и, ей-Богу, попросишь добавки.
Он, конечно, волшебник. Он каждого видит насквозь,
И в шалманчике этом работает лишь по привычке.
Вот, а ты говоришь: «Всё бессмысленно...» Ты это брось!..
И опять — перестук, да пронзительный свист электрички.

...

Что остаётся, если отплыл перрон,
Сдан билет заспанной проводнице?
Что остаётся? — Казённых стаканов звон,
Шелест газет, случайных соседей лица.
Что остаётся? — дорожный скупой уют,
Смутный пейзаж, мелькающий в чёткой раме.
Если за перегородкой поют и пьют,
Пьют и поют, закусывая словами.
Что остаётся, если шумит вода
В старом титане, бездонном и необъятном,
Если ты едешь, и важно не то — куда,
Важно то, что отсюда, и — безвозвратно?
Что остаётся? — Видимо, жить вообще
В меру сил и отпущенного таланта,
Глядя на мир бывших своих вещей
С робостью, с растерянностью эмигранта.
Что остаётся? — встречные поезда,
Дым, силуэты, выхваченные из тени.
Кажется — всё. Нет, что-то ещё... Ах, да! —
Вечность, схожая с мокрым кустом сирени.

